

ПАВЕЛ МЕЛЬНИКОВ-
ПЕЧЕРСКИЙ

В ЧУДОВЕ

Павел Иванович Мельников-Печерский В Чудове

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2377555

Княжна Тараканова и принцесса Владимирская : повести, рассказы, письма, очерк / Павел Мельников (Андрей Печерский).: Эксмо; Москва;

2011

ISBN 978-5-699-52030-5

Аннотация

«Вечерком приехали на Чудовскую станцию. Ямщик лихо подкатил дормез к подъезду «путевого дворца» – так назывались тогда станции по новой, только что выстроенной шоссейной дороге из Петербурга в Москву. Дом большой, каменный, у подъезда фонари горят. Проезжающих нет, только парная тележка стоит. Лошади, значит, будут.

Был октябрь на исходе; я прозяб, даром что в дормезе сидел; сильно подмораживало. Вышел из экипажа, иду по лестнице – освещена. Вот, думаю, как бы везде такие станции были, ездить бы сполагоря. А то по нашим местам избушки на курьих ножках: тесные, грязные, а клопов да тараканов видимо-невидимо...»

Содержание

Быль[1]

4

Павел Иванович Мельников-Печерский В Чудове

Быль¹

Быть в Нижнем Новгороде и не видеть Ивана Кондратьича Рыбникова было все равно что быть в Риме и не видеть папы. А видеть Ивана Кондратьича можно было каждый божий день: поутру в депутатском дворянском собрании, а вечером в дворянском клубе. Тридцать три года прослужил он депутатом и чуть ли не пятьдесят лет был членом клуба.

Бывало, усядемся с ним возле бильярдной; человека два-три из неиграющих в карты подсядут, и пойдут у нас нескончаемые рассказы. Раз зашла беседа за полночь; говорили про старинные псарни, про медвежью охоту. Кто-то рассказал о нечаянной встрече одного помещика с лесным боярином, Михайлой Иванычем Топтыгиным. Помещик, совсем безоружный, чудом спасся от когтей разъяренного зверя. Толковали о том, что должен был испытать помещик в обществе Мишеньки... Иван Кондратьич молча прошелся раз другой по комнате и, остановясь перед нами, молвил:

¹ Действительный рассказ покойного Ивана Кондратьича Рыбникова.

– Со мной хуже было!

Все знали, что Иван Кондратьич не охотник. Удивились.

– Где ж это, Иван Кондратьич?

– В Чудове, Новгородской губернии.

– Как же это случилось? Расскажите, пожалуйста!

– Пожалуй – теперь можно.

– Пожалуйста, пожалуйста, Иван Кондратьич!

– Я еще молод был, – начал Иван Кондратьич, – двадцать с небольшим мне тогда было. Теперь, по новым порядкам, человек в двадцать лет – совершенный, умнее стариков, а в наше время – молокососом считался... Да... Однако я уж тогда и дворянству послужил и в отставку выйти успел. Завелись лишние деньжонки – дай слетаю в Москву, погляжу, что за Москва белокаменная... А она в ту пору отстраивалась после французского разоренья... Собрался, поехал. И встретился я в Москве с нашим помещиком, с Андреем Петровичем Приклонским. Он тогда в откупа вошел; сначала дела у него пошли хорошо, своя винокурня была, а потом спуталось как-то: взыскания пошли, споры да иски – скверное дело. Оттого и жил он в Москве: в сенате хлопотал.

Встретились мы с ним, обрадовались... Обедал я как-то у него. Вдвоем обедали. Андрей Петрович и стал мне откровенно про свои делишки рассказывать.

– Вот беда-то, – говорит, – здесь у меня все на мази, а в Петербург до зарезу надо съездить – справки там пособрать да барашка в бумажке кой-кому сунуть. Самому отлучиться

нельзя, пожалуй, все дело испортишь. А верного человека нет. Хоть волком вой!

Толкуем этак, того, другого перебираем, кого бы можно в Петербург послать. Тот тем не годится, другой другим, а ехать – послезавтра.

– Знаешь ли что, Иван Кондратьич? – говорит Андрей Петрович.

– Что, – спрашиваю.

– Сделай дружбу – съезди!

– Легко сказать: съезди, – отвечаю ему. – Да как ехать-то?

– Не твоя беда: на мой кошт поедешь.

– Не в коште сила, – говорю. – Деньги что! Я и сам думал на Петербург посмотреть. А то возьмите, что в Петербурге я не бывал, приеду, как в лес: никого не знаю, за дело взяться не умею. Чтоб не испортить как-нибудь.

– Об этом, – говорит, – не беспокойся. Дам письма к приятелям, все у тебя выйдет, как по маслу. Мне нужен ты только для верности... А на тебя во всем полагаюсь: дело соседское.

– Соседское-то оно соседское. Только ведь я в откупях никакого толку не смыслю. Особенно по заводу, тут уж ни бель-меса не понимаю. Испортить боюсь. Вот что.

– Ицку пошлю с тобой.

А это – жид был, на заводе винокуром служил. Жидам строго было тогда запрещено в столицах проживать.

– Разве, – говорю, – он здесь? Ведь запрещено...

– Мало ль что запрещено! Не одна сотня жидов на Москве

живет, хоть и запрещено.

– Без паспорта?

– Зачем без паспорта? С паспортом, только паспорт-то у него припрятан. Не на виду, значит...

– Как же в полиции-то?

– Мой дворовый человек – и вся недолга.

– А в Петербург-от как же его? Там ведь насчет паспортов еще строже московского.

– Здесь Ицка мой, в Петербурге будет твой.

– Не досталось бы?

– Не ты первый, не ты и последний.

Поладили. На другой день поутру привели лошадей. Ицка на облучок, а я в дормез Андрея Петровича. Отличный дормез: венской работы. Покатили шестериком. Барин ехал.

В Петербурге прожил больше месяца. Что нужно было, обделал хорошо. Поехал с Ицкой в обратный путь.

Вечерком приехали на Чудовскую станцию. Ямщик лихо подкатил дормез к подъезду «путевого дворца» – так назывались тогда станции по новой, только что выстроенной шоссе-сейной дороге из Петербурга в Москву. Дом большой, каменный, у подъезда фонари горят. Проезжающих нет, только парная тележка стоит. Лошади, значит, будут.

Был октябрь на исходе; я прозяб, даром что в дормезе сидел; сильно подмораживало. Вышел из экипажа, иду по лестнице – освещена. Вот, думаю, как бы везде такие станции

были, ездить бы сполагоря. А то по нашим местам избушки на курьих ножках: тесные, грязные, а клопов да тараканов видимо-невидимо.

Вхожу в комнату – большая, мебель прекрасная. У прито-
локи смотритель в струнку вытянулся... «Экий порядок!» –
думаю.

– Лошадей! – приказываю смотрителю, а сам подаю ему
подорожную. – Шестериком! Да дормез надо подмазать. Рас-
порядись, любезный, а я покамест у тебя чаю напьюсь.

Тогда просто было: станционным зрителям благород-
ные «ты» говорили.

Смотритель подорожную взял, а сам ни с места. Иду даль-
ше. Перед диваном – большущий стол. На нем маленький са-
моварчик. Пьет чай какой-то старикашка, сухой, сердитый, с
кудреватыми волосами, в сереньком сюртуке. Такой непри-
глядный. «Должно быть, из земского суда», – думаю... Подо-
шел я к столу, шапку положил, шарф с шеи размотал – тоже
на стол. Обернулся, вижу: смотритель стоит, как вкопанный.

– Лошадь, – говорю.

Молчит смотритель, ровно солдат во фрунте.

Я опять к столу. Поворотился задом к старику, опять иду
к зрителю.

– Что ж, – говорю, – оглох ты, что ли?

Смотритель налево кругом и скорым шагом марш за
дверь.

– Что, молодой человек? Откуда едешь? – сердито про-

гнусавил старик.

В наше время старые люди молодых тыкали: это обидным не считалось. Сухо ответил я:

– Из Питера.

– Что ж, ты, мой друг, сам-от петербургский?

– Нет!

– Откуда ж?

– Из Нижегородской губернии.

– Помещик?

– Помещик.

– Гм!.. Богатый?

– С меня станет.

– То-то: шестериком ездешь!.. В кармане-то, видно, густо.

– Чахотка.

– Не по-чахоточному ездешь. Здесь ведь прогоны большие.

– Это уж мое дело, – говорю, – а сам думаю: «что это он пристал ко мне?»

– Чайку не хочешь ли? – спрашивает.

– Да вот смотритель, каналья, до сих пор не распорядился.

Я сам хотел здесь чай пить.

– Пьем вместе: у меня пареной травки в чайнике много.

Выпьют же даром.

– Пожалуй... – сказал я. – Да вот прежде смотрителя надо хорошенько повернуть.

Подойдя к окошку, отворил я форточку и крикнул:

«Смотритель!»

Раз крикнул, два крикнул, три крикнул: ни духу ни послушания. Ровно все вымерли. А слышно: чуть-чуть копошатся.

– Что горячишься? – гнусит старик. – Аль крепко надо спешить? Зазноба, что ли?

– Некуда мне спешить, а досадно, что смотритель порядков не знает: проезжающих нет, а он лошадей не дает... Вам ведь парочку?

– Да, парочку. Я все на парочке езжу.

– Что ж это он? И глаз не кажет! – с досадой говорю я про смотрителя.

– Не кипятись. Успеешь, мой друг. Выпей-ка лучше чайку стаканчик.

И, вынув из обитого тюленьей шкурой погребца граненый стакан, налил чаем и придвинул ко мне.

– С прикуской пьешь али внакладку?

– Внакладку.

– Как же тебе не внакладку? Богат! Помещик! – И положил сахару в мой стакан.

– А что, мой друг, – спросил он, немного помолчав: – служишь, что ли?

– Теперь не служу.

– Что ж так?

– Да так, по грамоте о вольности дворянства. «Хочем – служим, хочем – нет».

– Гм! Что ж поделываешь?

– Да ничего не делаю.

– Уж будто и ничего? В Петербург-от зачем ездил?

– Не по своему делу, – отвечаю, прихлебывая чай.

– По чьему же?

– Соседа по деревне – Приклонского Андрея Петровича.

– Что же у него за дела?

– Самые поганые, – говорю, – по откупам да по заводу винокуренному.

– Гм! Что ж за дела такие?

– Хорошенько-то и не знаю. Мое дело было справки взять да кой-кому руки смазать.

– Что ж, смазал?

– Смазал.

– И пошло дело?

– Еще как пошло-то!

– Гм! А где смазывал?

– Известно где! – И сказал, где смазывал.

– Гм! И взяли?

– Еще бы не взять!

– И не поморщились?

– Не ежа, чать, в руки-то совал, а деньги. Зачем же морщиться?

– Гм! Выпей еще стаканчик.

– Выпью. А сами-то вы откуда будете? – спрашиваю я у него.

– Недальный. Тоже помещик.

– Новгородский?

– Новгородский. Вот недалеко отсюда деревнюшка у меня есть.

– А едете откуда?

– Неподалеку отсюда по делишкам ездил... А как твое имечко святое?

– Иван.

– По батюшке-то как звать?

– Кондратьич.

– А фамилия какая?

– Рыбников.

– Как же это ты, друг мой, Иван Кондратьич, дельцо-то сладил? Говорят, винное дело мудреное. Разве сам прежде кабацкой частью занимался?

– Не бывал я по кабацкой части и не буду... Не дворянское дело... Да что это однако здесь за смотритель? Вот я поверну его по-своему!

И пошел было к дверям.

– Да ты крикни опять его в форточку. Авось услышит, – гнусит старик.

– И в самом деле, – молвил я.

Кричал-кричал я в форточку, и грозил смотрителю, и ругался – ответа нет как нет. А под окном шушукуют.

– Ицка! – крикнул я.

Молчат.

– Ицка! Ицка!

– Что у тебя там за Ицка такой? – спрашивает старик.

– Жиденок.

– Как жиденок?

– Да так жиденок. Жидом родился, так и значит жид.

– Гм! Что ж он тут делает?

– Да со мной едет.

– И в Петербурге был?

– И в Петербурге был.

– Жид-от?

– Да! А что?

– Паспорта разве не спрашивали?

– Зачем паспорт? Ицка у меня за крепостного дворового человека.

– Гм! Как же это ты, Иван Кондратьич, на такое дело решился?

– Отчего ж не решиться? Не я первый, не я последний. А я бы еще стаканчик выпил.

– Пей, Иван Кондратьич, пей, мой друг!

И старик налил мне еще стакан чаю.

– Ну что, как у вас в губернии?

– Ничего, слава богу!

– Урожай хороший?

– Порядочный.

– В вашей губернии народ зажиточный, мужики богатые?

– Исправный народ, – ответил я. – Не то что здесь.

– А здесь разве тебе не нравится?

– Нет, не нравится.

– Чем же не нравится?

– Да как же это? Всех мужиков в солдаты хотят поворотить. Штабов да казарм вокруг Новгорода настроили – одно только стеснение. Мужику дай простор, он и будет исправен. А это на что похоже?

– Что ж тут нехорошего? – спросил старик, немножко на-супившись. – Молод еще ты, сударь, так рассуждать!.. Над этим делом работали умы государственные.

– Черта с два!.. Государственные умы!.. Еще здешний, а не знаете, что тут Аракчеев всем ворочает.

– Так Аракчеев, по-твоему, не государственный человек? – глухо и как бы с одышкой прогнусил старик.

– Далеко кулику до Петрова дня!.. Да что об этом дьяволе толковать! Налейте-ка лучше еще стаканчик. А я вас за то отличной пуляркой угощу. Вот только Ицку кликну.

– Не суетись, мой друг. Подожди – успеешь. Ведь нам с тобой торопиться некуда. Потолкуем пока.

– Зачем же из пустого в порожнее переливать да время даром терять? Закусим и марш: вы в деревню, а я в Москву белокаменную.

– А что ж, Иван Кондратьич, в вашей-то губернии, без Аракчеева, разве легче житье-то?

– У нас, батюшка, свои Аракчеевы есть... Чинами только не выше, а то б и почище его были.

– Кто ж это такие?

– А хоть исправники, например... Что они теперь творят!.. У мертвого волос дыбом станет.

– Что ж такое?

– Да хотя бы насчет березок. Какому-то черту пришло в голову березками дороги обсаживать.

– Эта мысль тоже графа Аракчеева!

– Должно быть, что так... Хорошему человеку придет ли на ум такая штука? Теперь мужик летом, чем бы на пашне работать, береги каждую березку, окапывай ее, очищай; подсохнет – новую сади... Лист на которой чуть пожелтеет – поливай ее, либо новую сади. Одна покормка земской полиции чего станет?.. Березки-то, известно дело, не вырастут, а по двадцати копеек с дерева уж собрано.

– Куда же?

– Известно куда! Не нам с вами.

– Земска полиция?

– А то кто же?

– Гм! Сильно берут?

– Да как же и не брать-то?.. Свет на том стоит. Все берут.

– Неужли все?

– Да кто ж враг себе, кто откажется? В Петербурге сам царь живет, да с меня взяли же; а у нас вдалеке и бог простит.

– Гм! Так ты, друг мой Иван Кондратьич, давеча сказал, что у вас в губернии свои Аракчеевы есть. Значит, по-твоему, и Аракчеев взятки берет?

– Взятки не берет, зато с мужиков по три шкуры дерет.

– Гм! Не хочешь ли еще чайку-то?

– Нет. Я вот за пуляркой схожу. Спит мой жид, должно быть.

Накинул я шинель, шапки не взял: оставил ее на столе, возле старика. Вышел я из комнаты, сошел вниз.

– Где, – говорю, – смотритель?

– Здесь, ваше благородие, – отвечает он.

Смотрю: подле тележки стоит. А в тележку лошади заложены отличнейшие.

– Что ж лошадей?

– Сейчас, ваше благородие. Позвольте только графа отправить.

– Какого графа?

– А графа Аракчеева.

– Где он?

– А чаем-то вас потчевал.

Поднимаюсь наверх тихохонько. Отворил дверь, стал у притолки. Руки по швам.

Аракчеев по-прежнему сидит на диване, погребец запирает. Взглянул на меня.

– Аль со смотрителем поговорил? – спрашивает.

Открыл я рот. Хвать, язык-то не ходит.

– Подь сюда, Иван Кондратыч!

И ноги не действуют.

Сам подошел ко мне, положил руку на плечо и гнусит:

– Вот тебе, молодой человек, урок. С незнакомыми языка

не распускай. Говори подумавши. Чего хорошо не знаешь, про то судить не берись... Да и жидов в столицы не вози... Прощай, друг мой!.. Да заруби на носу: про что мы с тобой говорили, про то знают только ты да Аракчеев. Помни же это!

И ушел. Слышу, тележка покатила по шоссе. Тотчас крик да говор пошел на улице.

До самой смерти Аракчеева никому не смел я заикнуться про нашу встречу. Твердо помнил, что велено было на носу зарубить. С Аракчеевым шутить было нельзя. – Сибирь не своя деревня.

Раздался клубный звонок.

– Ну, прощайте, господа! звонок. Штрафа платить не намерен, – сказал Иван Кондратыч и ушел из клуба.